

УДК 9 (С16)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.6>

А. А. Панарин

РОЛЬ ПРОСТЕЙШИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА И КАЗАЧЕСТВА В ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1921–1924 гг.)

В статье рассматривается процесс создания и развития простейших производственных объединений крестьянства и казачества на Северном Кавказе в 1921–1924 гг. Поставленная проблема актуальна с точки зрения использования исторического опыта для совершенствования организации сельскохозяйственного производства в современной России. Анализируется состояние сельского хозяйства региона после окончания Гражданской войны. Подчеркивается крайний упадок земледелия и животноводства, приводятся сведения о значительном сокращении средств производства и людских ресурсов. Отмечается негативное влияние проводимой советским государством в начале 1920-х гг. продовольственной политики, препятствующей развитию сельского хозяйства. Освещаются принимаемые партийно-государственными органами меры по созданию производственных объединений крестьянства. Дается характеристика так называемой супряге и раскрывается ее значение в борьбе за расширение посевной площади. Раскрывается роль семенных хозяйств в вопросах выращивания чистосортного зерна. Рассматривается

деятельность мелиоративных товариществ, отмечается их значение в развитии оросительных и водозащитных систем. Анализируется развитие животноводческих товариществ, приводятся примеры их результативной деятельности в вопросах увеличения поголовья скота и улучшения его качественных характеристик. Отмечается слабое развитие в начале 1920-х гг. машинных товариществ. Подчеркиваются положительные результаты участия простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении и развитии сельского хозяйства на Северном Кавказе.

Ключевые слова: простейшие производственные объединения, крестьянство, казачество, восстановление сельского хозяйства, советское государство, Северный Кавказ.

Для цитирования: Панарин А. А. Роль простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа (1921 – 1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 570–576. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.6

Andrey A. Panarin

THE ROLE OF ORDINARY PRODUCTION ASSOCIATIONS OF THE PEASANTRY AND COSSACKS IN THE RESTORATION OF AGRICULTURE IN THE NORTH CAUCASUS (1921–1924)

The article examines the process of creation and development of the simplest production associations of the peasantry and Cossacks in the North Caucasus in 1921–1924. The problem posed is relevant from the point of view of using historical experience to improve the organization of agricultural production in modern Russia. The state of agriculture in the region after the end of the Civil War is analyzed. The extreme decline of agriculture and animal husbandry is emphasized, information is provided on a significant reduction in means of production and human resources. The negative impact of the food policy pursued by the Soviet state in the early 1920s, which hindered the development of agriculture, is noted. The measures taken by the party and state bodies to create production associations of the peasantry are highlighted. The characteristic of the so-called supryage is given and its significance in the struggle for the expansion of the sown area is revealed. The role of seed farms in the cultivation of pure grain is revealed. The activity

of reclamation associations is considered, their importance in the development of irrigation and water protection systems is noted. The development of livestock associations is analyzed, examples of their effective activities in increasing the number of livestock and improving its quality characteristics are given. There is a weak development of machine partnerships in the early 1920s. The positive results of the participation of the simplest production associations of the peasantry and Cossacks in the restoration and development of agriculture in the North Caucasus are emphasized.

Key words: ordinary industrial associations, peasantry, cossacks, restoration of agriculture, the Soviet state, the North Caucasus.

For citation: Panarin A. A. The role of ordinary production associations of the peasantry and cossacks in the restoration of agriculture in the North Caucasus (1921–1924) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 570–576 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.6

Простейшие производственные объединения крестьянства и казачества сыграли важную роль в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа после установления здесь весной 1920 г. Советской власти. Вновь созданные на местах партийно-советские органы стремились использовать

в этом процессе все имеющиеся силы и средства, ввиду катастрофического состояния аграрного сектора экономики региона.

В первый послевоенный год подорванное войной состояние сельского хозяйства Северного Кавказа усугубилось сильнейшей засухой, по-

разившей большинство районов. Кроме засухи, причинами крайне низкого урожая зерновых культур стали некачественная обработка почвы, с использованием примитивных средств производства, истребление посевов грызунами и саранчой, а также применение непригодных для посева семян.

В большей степени от неурожая пострадала Ставропольская губерния, где валовой сбор зерна составил 81, 277 млн. пуд, тогда как на продовольствие, откорм скота и обеспечение семенами требовалось как минимум 127, 5 млн. пуд [32, с. 54]. Одним из последствий неурожая стал существенный упадок производительных сил. Так, в Белоглинском уезде Ставрополя население уменьшилось на 27%. В сравнении с 1919 г. лошадей здесь осталось 1/5 часть, крупного рогатого скота – менее половины, свиней – 1/16 часть [8, л. 75].

В Кабардино-Балкарии в 1920 г. в сельскохозяйственном обороте осталось только 46% посевной площади по сравнению с предвоенными годами, что составило 56027 десятин [17, с. 39]. Как отмечает А. Х. Кармов, «для обработки земли крестьяне вынуждены были пользоваться примитивным сельскохозяйственным инвентарем: деревянными плугами и бороной, серпом и косой. Таким отсталым сельскохозяйственным инвентарем часто не успевали обрабатывать имеющуюся посевную площадь, и приходилось оставлять землю на перелог» [17, с. 39].

Вследствие указанных причин в 1921 г. большинство районов Северного Кавказа вновь было поражено неурожаем, что окончательно подорвало имеющиеся ресурсы сельского хозяйства региона. По данным В. В. Наухацкого, по сравнению с 1917 г. поголовье лошадей на Северном Кавказе сократилось к 1922 г. на 78,5 %, крупного рогатого скота – на 56,4, овец – на 79,0, свиней – на 98,1 %; в меньшей степени пострадали волы – на 50,5 % и коровы – на 32,6 %. Посевная площадь уменьшилась по сравнению с 1917 г. на 62,2 %, по сравнению с 1913 г. – на 67,1 %. В 1922 г. посевные площади сократились до 51,4 % к площади посева 1913 г.; общее поголовье скота – до 37,3 %; тягловая сила – до 35,7 % [20, с. 27].

Падение производительных сил сельского хозяйства Северного Кавказа было также связано с сокращением численности трудоспособного населения, что было вызвано распространением эпидемических заболеваний и массовым голодом. Так, по данным ВЧК, в Ставропольской губернии на протяжении 1922 г. от голодной смерти умерло около 12 тыс. человек [26, с. 650]. К весне 1922 г. на Ставрополье в Благодарненском уезде из прежнего состава крестьянских хозяйств отсутствовали 17,2 %, а в числе вымерших хозяйств было 4,7 %, в Белоглинском уезде соответственно – 21,9 % и 5,9 % хозяйств [8, л. 75].

Не лучше было положение и в других районах Северного Кавказа. Например, в ряде районов Донской области доля голодающих весной 1922 г. составляла 85 % всего состава населения. Было зарегистрировано органами ВЧК более тысячи случаев смерти от голода [26, с. 614]. С. Д. Багдасарян по этому поводу отмечает: «Умерших от голода было так много, что их зачастую хоронили, где придётся, а то и вовсе оставляли трупы неприбранными. Так, старожилы станицы Мелиховской вспоминали, что в 1921–1922 гг. умерших «хоронили чаще всего во дворах и даже в дорожных канавах» [1, с. 47].

Кроме засухи и других стихийных бедствий еще одной причиной голода в регионе стала продовольственная политика Советского правительства, связанная с максимальным изъятием продукции сельского хозяйства. Так, 22 сентября 1920 г. Совет Труда и Обороны принял постановление «О мерах по усилению вывоза хлеба из Сибири и Северного Кавказа», согласно которому в максимально сжатые сроки (до 5 октября 1920 г.) Наркомпрод, Наркомплут, НКВД, Полевой штаб, Всероглаштаб, Главкомтруд, Главвод, Сибпродком, Сибревком, Совтрудармюгвостока, Военпродбюро должны были обеспечить переброску хлеба из Сибири и Северного Кавказа в Центральную Россию и Поволжье, пострадавшие от неурожая и голода [31, с. 62].

В 1921 г., несмотря на введение продналога и начало НЭПа, продолжалось, по сути, использование практики продразверстки в виде единовременного продовольственного наряда, размеры которого для Юго-Восточного края были определены в 10 млн. пудов [27]. Продолжающаяся политика принудительного изъятия зерна в еще большей степени обострила на Северном Кавказе продовольственный кризис, главным выходом из которого являлось восстановление сельского хозяйства.

Наряду с мерами по стимулированию развития индивидуальных крестьянских хозяйств, большое значение в решении этой проблемы имело создание различного рода простейших производственных объединений крестьянства и казачества. Со стороны партийно-советских органов оказывалась поддержка в их организации. Так, 19 марта 1921 г. ЦК РКП(б), Совет Труда и Обороны, и наркомат продовольствия дали указание губернским комитетам партии о проведении агитации среди крестьян за добровольное объединение их в группы для взаимной помощи инвентарем и осуществления максимальной запашки [14, с. 455–456]. 17 мая 1921 г. СНК РСФСР издал декрет, в котором ставил перед местными органами задачу оказывать содействие развитию различных видов сельскохозяйственной кооперации, в том числе, машинных, животноводческих, семенных, мелиоративных товариществ [16, с. 7].

Основное внимание в это время уделялось созданию условий для проведения посевной кампании. Для этого требовалось не только обеспечить крестьянские хозяйства семенным зерном, но и помочь им в снабжении сельхозинвентарем и рабочим скотом. Так, в Ставропольской губернии в большинстве районов до 40% крестьянских хозяйств не имели орудий обработки земли и рабочего скота [22, с. 125]. В Медвежинском уезде данной губернии для перевозки хлеба три или более трех крестьянских дворов разбирали изношенные хода и составляли из них один годный для перевозок [10, л. 49].

Вместе с тем в начале 1920-х гг. разрушенная войной промышленность не могла обеспечить крестьянские хозяйства необходимыми средствами производства. Поэтому, одним из путей ослабления этой проблемы стали меры по сбору уцелевшего инвентаря и его рациональному использованию. Решением этого и других вопросов, связанных с организацией посевной кампании, сосредотачивалось в посевках. Так, созданные в начале 1921 г. Донпосевкомом окружные, волостные и станичные посевкомы осуществляли руководство посевной кампанией, помогали организовать ремонт сельскохозяйственного инвентаря и заготовку семян. Как отмечает В.Д. Дзидзов, «посевкомы фактически были чрезвычайными органами по руководству севом, и именно поэтому они, где бы ни функционировали, применяли военно-полицейские методы, проще говоря, силой принуждали крестьян к севу» [15, с. 18].

Одной из распространенных форм крестьянской взаимопомощи на Северном Кавказе стала супруга, которая представляла соединение средств производства, имеющих у крестьянских хозяйств. В ней участвовали, в основном, середняцкие хозяйства, у которых были в наличии отдельные средства производства (сельхозинвентарь, плуги, рабочий скот и т. п.), но не хватало других, для чего и требовалось объединиться с односельчанами, у которых они были.

Вместе с тем было немало случаев когда супругу образовывали бедные и зажиточные хозяйства. Например, в 1924 г. в Донской области 29,6 % крестьянских хозяйств, не обладающих рабочим скотом и пахотными орудиями, заключали соглашения с зажиточными односельчанами, в соответствии с которым за использование их средств производства, отдавали затем до 50 % урожая [18, с. 22–23]. Руководство большевистской партии оценивало эту ситуацию как пример явной эксплуатации кулаками деревенской бедноты. Наряду со стремлением ввести эти отношения в правовое русло и защитить интересы бедноты, партийно-государственные органы содействовали организации на местах прокатных пунктов, через которые участвующие в супруге крестьянские хозяйства могли получить во временное пользование необходимый инвентарь.

Кроме того, создавались ремонтные мастерские, где крестьяне могли отремонтировать поломанный сельхозинвентарь. Для увеличения в рамках супруги рабочего скота были организованы сельхозартели упряжной тяги. Так, целью создания одной из таких артелей в Донской области было провозглашено предоставление сельским крестьянским и казачьим хозяйствам возможности проводить различные полевые, огородные и усадебные работы, которые требовали использования упряжной силы при помощи наемных рабочих животных, принадлежащих артели [7, л. 2].

Следует отметить, что супруга как разновидность производственного объединения крестьянства и казачества способствовала развитию их трудовой взаимопомощи и вносила некоторые элементы обобществленного производства. Однако, супруга не могла являться в полном мере формой кооперирования крестьянских хозяйств, так как объединение в ней тягла и сельхозинвентаря было сезонным, чаще всего на основе двух- или трехстороннего соглашения между ближайшими соседями или родственниками. Помимо этого, супруга не входила в состав сельхозкооперации и имела временный и вынужденный характер.

Более перспективной с точки зрения потребностей восстановления и развития сельского хозяйства была деятельность различных производственных товариществ. Среди них в начале 1920-х гг. особое значение приобрели семенные хозяйства, в которых объединялись крестьяне и казаки для совместного выращивания чистосортных семян, что было очень важно в условиях острого дефицита качественного посевного материала. В 1922 г. на Дону действовало 223 семенных хозяйства, на Кубани – 113 [22, с. 126]. Со стороны сельхозкооперации семенным хозяйствам оказывалась помощь в приобретении материала для посевов, осуществлялось агротехническое обслуживание, проводились необходимые консультации по вопросам применения правильных приемов выращивания качественных семян.

Достигнутые успехи в организации и деятельности семенных хозяйств, увеличение объемов производимого чистосортного зерна, способствовали повышению их авторитета у заготовительных организаций. Так, в апреле 1922 г. Юго-Восточная краевая контора Госсельсклада предложила руководящему органу сельхозкооперации Северного Кавказа Ювсельсоюзу организовать ударные хозяйства по выращиванию семенных и лекарственных культур, а также их сортировку и хранение с последующей передачей конторе [6, л. 36].

Полученный в 1922 г. хороший урожай способствовал значительному расширению работы по дальнейшему развитию семенного дела. Так, в 1923 г. в Донской области в составе 22 универсальных товариществ были созданы семеноводческие хозяйства, которые в общем засеяли 690

пудов качественного зерна [28, с. 147]. В составе многих действующих на Северном Кавказе товариществ были показательные семенные хозяйства, деятельность которых имела большое значение для крестьянского и казачьего населения.

Так, в Терской области в числе таких товариществ были Ессентукское, Пятигорское, Карреское и Марины-Колодцы [23, л. 9]. В Ставропольской губернии в это время действовало девять образцовых огородно-семенных хозяйств, которые способствовали обеспечению сельского населения чистосортными семенами [11, л. 13]. Организация и деятельность семенных хозяйств сыграли важную роль в борьбе с сокращением посевной площади и в повышении урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Наряду с семенными хозяйствами определенное участие в расширении посевных площадей и повышении урожайности принимали мелиоративные товарищества. 3 августа 1921 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «О мелиоративных товариществах», в котором отмечалось, что организация мелиоративных товариществ признавалась руководством страны первоочередной задачей. Наркомзем и его местные органы совместно с губпосевками должны были содействовать образованию мелиоративных товариществ, предоставляя крестьянам особый мелиоративный беспроцентный натуральный и денежный кредит, снабжая товарищества специальным мелиоративным персоналом, пропагандируя и разъясняя важность агрикультурных мер. Для осуществления этой задачи наркомату выделялось 2 млрд. руб. [31, с. 59].

На Северном Кавказе, как и в других регионах Советской России, мелиоративные товарищества организовывались в районах, страдающих как от недостатка, так и переизбытка влаги. К числу первых из них относилось Ставрополье, зерновое хозяйство которого подвергалось постоянной засухе. Несмотря на это, площадь орошаемых земель на Ставрополье была ничтожно мала и занимала в 1920 г. до четырех тысяч десятин, занятых в основном под огороды. Их орошение происходило с использованием таких примитивных методов, как прорытие канав. Организации мелиоративных товариществ на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. препятствовала незначительность средств, которые направляло государство, а также отсутствие таковых у абсолютного большинства крестьянских и казачьих хозяйств. В связи с этим, в 1921 г. на территории Юго-Восточного края действовало всего 12 мелиоративных товариществ [21, с. 8].

Определенные улучшения в развитии мелиоративного дела начали происходить в 1922 г. Это было связано с некоторым укреплением крестьянских хозяйств вследствие хорошего урожая и ослаблением продовольственной диктатуры

советского государства. Часть из них, учитывая горькие уроки недавней засухи, проявила желание объединиться в мелиоративные товарищества в целях создания различных оросительных систем, таких как артезианские скважины, земельные плотины и других. Особенно активно это происходило в Ставропольской губернии, где в начале 1923 г. действовало 59 мелиоративных товариществ [12, л. 2], среди которых были такие образцовые, как «Мелиоративное товарищество» Петровского губземотдела [13, л. 18].

В это же время стали проводиться работы по мелиорации засушливых земель в различных районах Донской области. Для этого, в соответствии с решением Юго-Восточного краевого экономического совещания, состоявшегося в ноябре 1922 г., силами Обливского объединения сельскохозяйственных товариществ было создано показательное оросительное хозяйство, которое действовало на площади в 250 десятин. Деятельность этого оросительного хозяйства способствовала организации нескольких мелиоративных товариществ [24, л. 133].

В Кубано-Черноморской области повышенную активность в создании мелиоративных товариществ проявило население Славянского отдела, ежегодно терпевшее убытки от гибели урожая, вследствие разлива рек. В связи с этим, в 1924 г. в Славянском отделе действовало 30 из 34 мелиоративных товариществ Кубано-Черноморской области. Главной их задачей было строительство водозащитных сооружений [22, с. 129]. Так, Калининское мелиоративное товарищество, организованное в августе 1923 г. в составе около трехсот человек, проводило обволаживание реки Адагу-ма, прорытие канала и починку старого вала на реке Кубань [3, л. 11].

Деятельность мелиоративных товариществ на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. имела положительное значение в процессе восстановления сельского хозяйства региона. Однако, ввиду необходимости привлечения значительных материальных средств, они могли функционировать при условии оказания помощи со стороны государства. Ее размеры стали возрастать по мере восстановления экономики, стабилизации и улучшения финансового положения в стране. Так, если в 1922/1923 г. хозяйственном году общая стоимость мелиоративных работ составляла 873547 руб., то в 1923/1924 г. – 1039666 руб., а в 1924/1925 г. уже 1801732 руб. [19, с. 280]. Это позволило улучшить состояние мелиоративного дела и создать благоприятные условия для дальнейшего развития мелиоративных товариществ.

Большое внимание со стороны государственных органов и сельхозкооперации Северного Кавказа уделялось борьбе со значительным сокращением поголовья скота и ухудшением его качественных характеристик. Главной причиной

такой ситуации являлись последствия Первой мировой и Гражданских войн, во время которых погибло огромное количество скота и особенно лошади, большая часть которых участвовала в военных действиях. Серьезный урон животноводству региона нанес также неурожай 1921 г. и последующий после этого массовый голод.

Например, в Ростовском округе Донской области количество лошадей по сравнению с довоенным временем уменьшилось с 74 до 27 тыс., а рабочих волов с 23 до 11 тыс. [2, с. 155]. В Кубано-Черноморской области по сравнению с 1916 г. количество рабочих лошадей сократилось на 50 %, а быков на 19 % [5, л. 165]. Тяжелой была ситуация и в национальных районах, в том числе в Кабардино-Балкарии, где в дореволюционный период всегда было большое поголовье скота. На одно хозяйство здесь в 1916 г. приходилось 2,4 лошадей, 14,5 голов крупнорогатого скота, 61,5 овец и коз, 0,8 ослов и мулов, всего по 72,9 голов на одно хозяйство [29, л. 215]. В 1922 г. почти полное отсутствие лошадей во многих балкарских селениях приводило к тому, что запашку проводили здесь ручным способом.

Принятые государственными органами и кооперацией в начале 1920-х гг. меры по борьбе с сокращением поголовья скота имели ограниченный характер, что объяснялось последствиями разрухи и голода, а также отсутствием необходимых средств. В качестве примера можно привести попытку Ставропольского губсельпромсоюза препятствовать падению поголовья скота с помощью его закупки в других районах Северного Кавказа. Однако за 1921 г. на Кубани, в Карачее и в Курской губернии было закуплено лишь 72 лошади, которые в основном передали в колхозы [9, л. 249].

С 1922 г. принимаемые меры по сохранению и увеличению поголовья скота становятся более действенными. В том числе происходит передача племенного скота в создаваемые совхозы-рассадники и запрещается убой племенных животных. В 1923 г. в Юго-Восточном крае действовали 82 рассадника, которые проводили работу по повышению качественного уровня животноводства [32, с. 80]. Для большей заинтересованности крестьянских и казачьих хозяйств, владеющих племенными производителями, их освобождали от выплаты единого сельхозналога и выполнения ряда других обязанностей. Со стороны сельхозкооперации принимались меры по созданию животноводческих товариществ. Так, в Ставропольской губернии в 1922 г. было организовано 15 таких товариществ. Ставропольский губсельсоюз оказывал им помощь в оформлении документации, в том числе выработке уставов, содействовал в приобретении племенных производителей материала [12, л. 2].

В это же время на Дону повышенное внимание уделялось качественному улучшению молочного стада, прежде всего, увеличению поголовья про-

дуктивного красно-немецкого скота. Животноводческие товарищества, занятые его разведением, действовали в основном в Ростовском округе Донской области. В 1924 г. здесь было 24 таких товарищества, в том числе такие крупные, как Степное-Латышское, в составе которого было 106 коров, 8 бугаев, 125 голов молодняка и Ольнемка, где было соответственно 108, 2, 118 голов [4, л. 193].

Деятельность животноводческих товариществ на Северном Кавказе в 1921 – 1924 гг. дала определенные результаты в укреплении крестьянских хозяйств. Однако, в условиях натурализации сельского хозяйства она носила ограниченный характер и была недостаточно связана с рыночными отношениями.

В данный период на Северном Кавказе практически не получили распространения машинные товарищества, что объяснялось низкой покупательной способностью населения и организационными проблемами. В 1924 г. на территории региона действовало лишь 35 машинных товариществ [30, л. 18], процесс образования которых носил в основном стихийный характер. При создании машинных товариществ обобществлялись лишь совместно приобретаемые крестьянами сложные машины. Участки земли, находившиеся в пользовании крестьянских хозяйств, на которых использовались трактора, существовали отдельно друг от друга.

Вместе с тем, как отмечает В. А. Савельев, «знакомство с производительными возможностями трактора произвело настоящий переворот в экономическом мышлении крестьян и казаков. Он повлек за собой осознание больших преимуществ сложной техники перед используемыми веками традиционными для крестьянского хозяйства средствами производства» [25, с. 95]. Это обстоятельство, наряду с повышением материальных возможностей крестьянства и казачества способствовали быстрому росту машинных товариществ в середине 1920-х гг.

Таким образом, простейшие производственные объединения крестьянства и казачества сыграли положительную роль в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа. Их деятельность способствовала повышению урожайности, расширению посевных площадей, увеличению поголовья скота, внедрению эффективных способов сельскохозяйственного производства. Вместе с тем, в 1921 – 1924 гг. развитие простейших производственных объединений проходило неустойчиво с частыми распадами создаваемых товариществ и большой текучестью состава. Преодоление этой ситуации стало происходить в период кульминации НЭПа (1925-1927 гг.), в условиях которой наблюдался быстрый рост простейших производственных объединений, игравших важную роль в развитии сельского хозяйства Северного Кавказа.

Литература

1. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / отв. ред. А. П. Скорик. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
2. Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сборник документов. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1962. 496 с.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-269. Оп.1. Д.17.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп.1. Д.393.
5. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп.1. Д.464.
6. ГАРО. Ф. Р-2075. Оп.1. Д.275.
7. ГАРО. Ф. Р-2075. Оп.1. Д.358.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф.1065. Оп.1. Д.84.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-196. Оп.1. Д.30.
10. ГАСК. Ф. Р-394. Оп.1. Д.35.
11. ГАСК. Ф. Р-397. Оп.1. Д.314.
12. ГАСК. Ф. Р-397. Оп.1. Д.1068.
13. ГАСК. Ф. Р-595. Оп.1. Д.1762.
14. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1989. Т.13. 572 с.
15. Дзидзоев В. Д. Переход к НЭПу и проблемы крестьянства Юга России // Вестник Северокавказского научного центра. 2020. №1. Т. 20. С.14–21.
16. Долматовский А. М. Законы о кооперации. Систематический сборник декретов, постановлений, инструкций, примерных уставов и пр. М.: Право и жизнь, 1924. 406 с.
17. Кармов А. Х. Продовольственный кризис в Кабардино-Балкарии в начале 20-х годов XX в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. №3. С. 38–47.
18. Летавин Н. Н. Нивелировка или социальная маскировка // Северо-Кавказский край. 1924. № 4–5. С.19 – 27.
19. Наухачкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края в годы нэпа: состояние и противоречия государственной аграрной политики // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сборник статей к 70-летию проф. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. С. 272–290.
20. Наухачкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края в годы нэпа: состояние и противоречия государственной аграрной политики // Вестник НИИ гуманитарных 26 наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С.25-35.
21. Одинцов С. С. Сельское хозяйство края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. Ростов н/Д, 1927. №11. С. 4–11.
22. Панарин А. А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921 – 1929 гг. 2-е изд., испр. и доп. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 336 с.
23. Российский государственный архив экономики. Ф.4106. Оп.3. Д.582.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.14. Д.1003.
25. Савельев В. В. Хозяйственные представления крестьянства и казачества в условиях новой экономической политики: особенности трансформации (на материалах Дона и Кубани). Армавир: АГПА, 2012. 159 с.
26. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: В 4 т. / Т. 1. 1918 -1922 / под ред. А. Берловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
27. Советский Юг. 1921. 10 мая.
28. Соломонов М. Агркультурные и производственные достижения сельскосоюзов Юго-Востока // Юго-Восток. 1924. №1. С. 143–151.
29. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-43. Оп.1. Д. 20.
30. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.7. Оп.1. Д. 81 а.
31. Цинцадзе Н. С. Советская власть и социоестественные проблемы сельского хозяйства РСФСР в 1910-1920-е гг.: опыт нормативно-правового регулирования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. Вып. 1. С. 53–67.
32. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1921- 1929 гг. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1987. 230 с.

References

1. Bagdasaryan S. D. Byt, trud i sem'ya krest'yan epohi nepa: istoricheskaya povsednevnost' yuzhno-rossijskoj derevni v 1920-e gody (Life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of the South Russian village in the 1920s) / ed by A. P. Skorik. Novocherkassk: Lik, 2015. 312 p. (In Russian)
2. Vosstanovitel'nyj period na Donu (1921–1925 gg.). Sbornik dokumentov (The restoration period on the Don (1921–1925). Collection of documents). Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1962. 496 p. (in Russian)
3. State archive of Stavropol territory (GASK). F. R-269. Inv.1. D.17. (in Russian)
4. State archive of Rostov territory (GARO). F. R-1390. Inv.1. D.393. (in Russian)
5. GARO. F. R-1390. Inv.1. D.464. (in Russian)
6. GARO. F. R-2075. Inv.1. D.275. (in Russian)
7. GARO. F. R-2075. Inv.1. D.358. (in Russian)
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F.1065. Op.1. D.84. (in Russian)
9. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F. R-196. Op.1. D.30. (in Russian)
10. GASK. F. R-394. Op.1. D.35. (In Russian)
11. GASK. F. R-397. Op.1. D.314. (In Russian)
12. GASK. F. R-397. Op.1. D.1068. (In Russian)
13. GASK. F. R-595. Op.1. D.1762. (In Russian)

14. Dekrety Sovetskoj vlasti (Decrees of Soviet power). Vol. 13. Moscow: Politizdat, 1989. 572 p. (In Russian)
15. Dzidzoev V.D. Perekhod k NEPu i problemy krest'yanstva Yuga Rossii (Transition to the NEP and problems of the peasantry of the South of Russia) // Vestnik Severokavkazskogo nauchnogo centra. 2020. No. 1. Vol. 20. P. 14–21. (In Russian)
16. Dolmatovskij A.M. Zakony o kooperacii. Sistematicheskij sbornik dekretov, postanovlenij, instrukcij, primernyh ustavov i pr. (Laws on cooperation. A systematic collection of decrees, resolutions, instructions, model charters, etc). Moscow: Pravo i zhizn', 1924. 406 p. (In Russian)
17. Karmov A.H. Prodovol'stvennyj krizis v Kabardino-Balkarii v nachale 20-h godov HKH V. (The food crisis in Kabardino-Balkaria in the early 20s of the twentieth century) // Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. 2018. No.3. P. 38–47. (In Russian)
18. Letavin N. N. Nivelirovka ili social'naya maskirovka (Leveling or social masking) // Severo-Kavkazskij kraj. 1924. No. 4–5. P. 19–27. (In Russian)
19. Nauhackij V.V. Sel'skoe hozjajstvo Severo-Kavkazskogo kraja v gody nepa: sostoyanie i protivorechiya gosudarstvennoj agrarnoj politiki (Agriculture of the North Caucasus region in the years of the NEP: the state and contradictions of the state agrarian policy) // Vekov nespeshnyj hod: problemy social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii: sbornik statej k 70-letiju prof. V.N. Nikulina. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2018. P.272-290. (In Russian)
20. Nauhackij V.V. Sel'skoe hozjajstvo Severo-Kavkazskogo kraja v gody nepa: sostoyanie i protivorechiya gosudarstvennoj agrarnoj politiki (Agriculture of the North Caucasus region in the years of the NEP: the state and contradictions of the state agrarian policy) // Vestnik NII gumanitarnyh 26 nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2021. No. 4 (60). P. 25–35. (In Russian)
21. Odincov S. S. Sel'skoe hozjajstvo kraja k desyatiletiyu Oktyabr'skoj revolyucii (Agriculture of the region to the decade of the October Revolution) // Izvestiya Severo-Kavkazskogo krajispolkoma. 1927. No. 11. P. 4–11. (In Russian)
22. Panarin A. A. Evolyuciya kooperacii na Donu i Severnom Kavkaze v 1921-1929 gg. (Evolution of cooperation on the Don and the North Caucasus in 1921–1929) 2-e izd., ispr. i dop.. Armavir: RIO AGPU, 2017. 336 p. (In Russian)
23. Russian State Archive of Economics. F.4106. Inv.3. D.582. (In Russian)
24. Russian State Archive of Socio-Political History. F.17. Inv.14. D.1003. (In Russian)
25. Savel'ev V. V. Hozjajstvennye predstavleniya krest'yanstva i kazachestva v usloviyah novej ekonomicheskoy politiki: osobennosti transformacii (na materialah Dona i Kubani) (Economic representations of the peasantry and the Cossacks in the conditions of the new economic policy: features of transformation (based on the materials of the Don and Kuban). Armavir: AGPA, 2012. 159 p. (In Russian)
26. Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Doku-menty i materialy (The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials): In 4 Vols / Vol. 1. 1918 -1922 / ed by A. Berlovicha, V. Danilova. Moscow: ROSSPEN, 1998. 864 p. (In Russian)
27. Sovetskij YUg. 1921. May 10. (In Russian)
28. Solomonov M. Agrikul'turnye i proizvodstvennye dostizheniya sel'skosoyuzov YUgo-Vostoka (Agricultural and industrial achievements of rural unions of the South-East) // YUgo-Vostok. 1924. No.1. P. 143–151. (In Russian)
29. Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic. F. R-43. Inv.1. D.20. (In Russian)
30. Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. F.7. Inv.1. D. 81 a. (In Russian)
31. Cincadze N. S. Sovetskaya vlast' i socioestestvennye problemy sel'skogo hozjajstva RSFSR v 1910-1920-e gg.: opyt normativno-pravovogo regulirovaniya (Soviet power and socio-natural problems of agriculture of the RSFSR in the 1910s–1920s: experience of regulatory regulation) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2016. Vol. 21. Issue. 1. P.53–67. (In Russian)
32. Chernopickij P.G. Derevnya Severokavkazskogo kraja v 1921- 1929 gg. (Village of the North Caucasus region in 1921–1929). Rostov on Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1987. 230 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета / panarin.arm@mail.ru
 Адрес: д. 159, ул. Розы Люксембург, 352901, Армавир, Российская Федерация.

Information about the author

Andrey A. Panarin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of World and National History, Armavir State Pedagogical University / panarin.arm@mail.ru
 The address: d. 159, Roza Luxembourg st., 352901, Armavir, Russian Federation.